

Ч И Т А Л Ь Н Я
С О В Е Т С К О Й Ш К О Л Ы

Н. ВЕНКСТЕРН

УЗНИК БАСТИЛИИ

ИС 940

Б 293 Н УЗ

: РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ:

1927

Прим. 10/10/10

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

№ 31 — 32

НА 2051
НЕ ВЫДАВАТЬ

Н. ВЕНКСТЕРН

B-293

УЗНИК БАСТИЛИИ

*Допущено Научно-Педагогической Секцией
Государственного Ученого Совета*

ис (940)

B.293 уз

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

МОСКВА — 1928

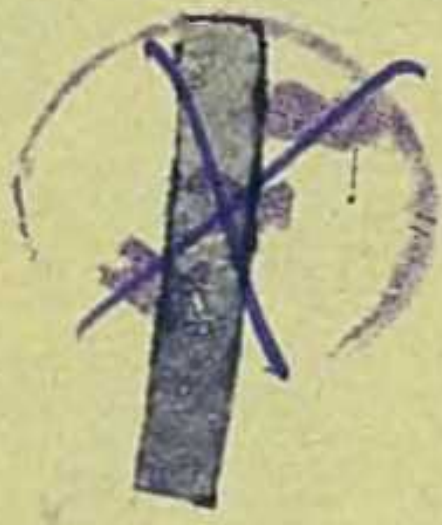

23777

1957-58 г.

~~23776~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТМИЗА~~

ер и ст

Главлит № 99331

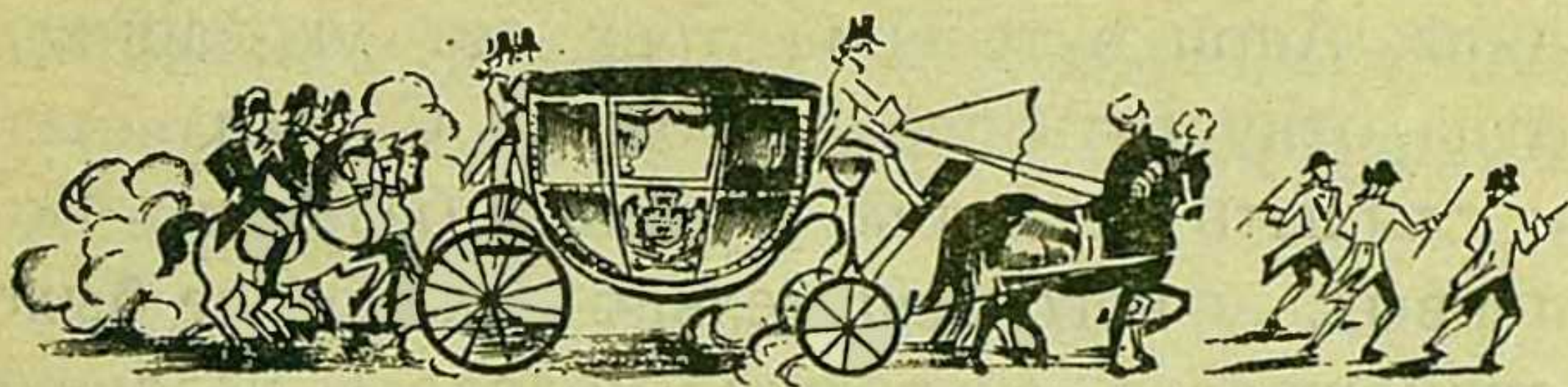
Тираж 10.000—3 1/2 л.

Заказ № 4001.

673321 КХ-ред

Российская государственная
детская библиотека

В августовский теплый день, в году 1754, дилижанс привез с собой в Париж среди прочих пассажиров молодого человека по имени Анри Латюд.

Молодому человеку было не более двадцати лет; он был недурен собой, весел и беззаботен, несмотря на то, что кошелек его был почти пуст, а весь багаж состоял из маленького чемодана.

Выйдя из дилижанса, он забежал в первую попавшуюся гостиницу, занял номер, не обращая внимания на то, что предложенная ему комната была темна и сыровата, и, торопливо вымывшись и пригладив волосы, вновь выбежал на улицу.

Наконец-то, мечта его сбылась. Он—в Париже! Сын бедного провинциального дворя-

нина, Анри в течение трех лет уговаривал отца отпустить его в столицу. Сначала отец и слышать не хотел о таком безумии. Во-первых, у него решительно никакой не было возможности снарядить молодого человека и снабдить его деньгами; во-вторых, он был уверен, что жизнь в Париже принесет сыну только вред; приучит его к роскоши, к развлечениям, а где будет взять денег для удовлетворения прихотей? Но понемногу Анри удалось переломить упрямство старика. Правда, он знал Париж также мало, как и его отец, и судил о нем только понаслышке, но этот город он представлял себе хранилищем всевозможных благ, удач и счастья. Только в Париже, он был убежден в этом, можно достичь успеха, славы, разбогатеть. Отец, жадный к богатству, стал поддаваться на убеждения сына, а когда тот заявил ему, что согласен удовольствоваться на дороге самой ничтожной суммой, то и дал свое окончательное согласие.

„В самом деле,—думал он,—чего на свете ни бывает. Анри—ловкий малый, находчивый и смелый, пожалуй, он и в самом деле пробьет себе дорожку“.

Таким образом полный самых легкомысленных надежд, баззаботный и доверчивый Анри очутился в Париже.

Он уже более часа бродил по городу, восторгаясь без различия и его архитектурой, и крикливой роскошью выставок, и нарядной толпой прохожих, как вдруг, на углу улицы, по которой он шел, произошло движение: кучка людей бросилась вперед, отталкивая других, лавочники повысыпали на пороги домов, бросив свою торговлю, и Латюд увидал проезжающий посреди улицы, роскошный экипаж. Впереди бежали скороходы, взмахивая в воздухе серебряными тросточками. Кучер и лакеи на запятках были в золотых ливреях. Огромный герб на дверцах кареты свидетельствовал о знатности проезжающей особы. Позади кареты трое верховых скакали на конях. В окне кареты мелькнуло на миг женское лицо с высокой прической, украшенной перьями.

— Королева, королева! — шептали вокруг Анри, и процессия быстро скрылась за углом.

— И подумать только, что от прихоти этой женщины зависит счастье миллионов людей, — сказал кто-то позади Анри.

Он обернулся: перед ним, глядя вслед удалявшейся карете, стоял человек в костюме ремесленника, в широкой шляпе, с опущенными книзу усами. Встретившись глазами с Латюдом, он улыбнулся ему с чуть заметной насмешкой.

— В первый раз видели? — спросил он.

— О, да, и я очень рад, что имел счастье видеть ее величество.

— Вы, вероятно, из провинции?

— Почему вы думаете? — спросил Анри с легкой обидой.

Незнакомец окинул Анри взглядом с головы до ног.

— Ваш костюм слегка вышел из моды, по сравнению с костюмами наших франтов, — сказал он, — а по вашей шпаге я вижу, что вы принадлежите к дворянству. Из этого я заключаю, что вы или очень бедны, или только-что приехали из провинции.

Латюд хотел оскорбиться непрошенными замечаниями, но желание поговорить с парижанином победило это чувство.

— Так это была королева? — спросил он.

— Вы могли догадаться об этом по гербу на ее карете.

— Она, вероятно, очень добра?

— Не знаю,—сказал незнакомец, усмехнувшись,—я—простой ремесленник и мне не пришлось испытать на себе ее доброты.

— Но что говорят о ней в народе?

— Говорят, что она осыпает золотом и почестями тех, кто сумеет ей угодить, а для тех, кто ей не нравится имеется в Париже Бастилия.

— Да, я слышал о Бастилии—туда заключают бунтовщиков и преступников.

— Или просто слишком беспокойных людей,—сказал незнакомец, снова усмехнувшись.

— Значит, королева имеет очень большое влияние на государственные дела,—продолжал расспрашивать Латюд.

— Все дело только в том, чтобы суметь попасться ей на глаза и оказать какую-нибудь услугу—остальное пойдет как по маслу. Разумеется, я имею в виду только дворян, так как нашему брату, как бы мы ни лезли из кожи, никогда не добиться лучшей жизни.

Незнакомец приподнял шляпу и прибавил, отходя от Латюда.

— Во всяком случае желаю вам всевозможных удач в Париже, сударь, и прошу извинить меня за мою болтовню.

Поздно вечером Латюд вернулся в гостиницу. Он падал с ног от усталости и голода; хозяин принес ему в комнату холодный ужин и зажег на столе сальную свечу.

— Очень рад за вас, сударь, — сказал он, — что вам удалось осмотреть город. Я думаю, что вы в восторге от столицы.

— Представьте себе, хозяин, что мне посчастливилось сегодня видеть на улице королеву.

— Не правда ли, она замечательно красива?

— Да, я никогда не видал подобной красавицы и, вероятно, добра как ангел.

— Вот именно, как ангел, сударь. Вы совершенно точно угадали.

— Вероятно, во дворце бывают роскошные праздники?

— О, да, сударь, да и не только во дворце; знатные придворные то и дело веселятся. Не дальше как вчера барон д'Аллегр давал праздник, на котором присутствовали король и королева. Весь город сбежался смотреть на иллюминацию.

— Кто этот д'Аллегр? — спросил Латюд.

— О, он не из знатных — отец его был

придворным лакеем, но ему необычайно по-счастливилось.

— Как, из лакеев он попал в знатные вельможи?

— Да, сударь, когда на блаженной памяти короля Людовика было покушение, ему по-счастливилось отвести руку убийцы и при этом получить небольшую царапину. С тех пор он пошел в гору и теперь, вы видите...

— Счастливец!—пробормотал задумчиво Латюд.

— Да, от всей души желаю, сударь, чтобы и на вашу долю выпало подобное счастье. Молодому человеку с вашей наружностью надлежит быть при дворе, а не губить своей молодости в одиночестве и бедности.

Хозяин, вежливо поклонившись Латюду и пожелав ему спокойной ночи, удалился к себе, оставив молодого человека в одиночестве.

Анри в течение целой ночи почти не спал, несмотря на утомленье.

Он был полон впечатлений всего виденного им в Париже. Теперь, когда он попал в столицу, честолюбие его разгорелось. Мириться со скромной долей безвестного про-

винциала, искать работы, обивать пороги родных с просьбой о помощи, пробивать себе дорогу шаг за шагом, ценой усилий и труда? Ни за что! Ему, с его способностями, находчивостью и умом надлежало сделать быструю, головокружительную карьеру. К утру, наконец, у него в голове созрел план.

Через несколько дней дворец в Версале был взволнован необыкновенным событием. Королева была предупреждена о том, что на ее жизнь готовится покушение. Предупреждение пришло в виде письма, написанного в самых почтительных выражениях. Подписано оно было безвестным именем некоего Анри Латюда.

„Мне удалось узнать, — писал незнакомец, — совершенно случайно, что злоумышленник собирается прислать вам букет цветов, посыпанных ядовитым порошком. Считаю себя счастливым, что могу предупредить гнусное злодеяние и сохранить вашу драгоценную жизнь“.

Прочтя эти строки, королева упала в обморок, а придя в себя, с криками стала требовать, чтобы вся полиция Парижа была

поставлена на ноги и злоумышленник найден. Все меры предосторожности были приняты, и злополучный букет цветов, действительно полученный к вечеру, подвергся самому тщательному обследованию.

Министр полиции и король лично присутствовали при разбирательстве; на комнатной собачонке была испытана сила ядовитого порошка: к великому изумлению присутствующих он оказался безвредным.

Министр полиции тонко улыбнулся.

— Я нисколько не сомневался в этом, ваше величество, — сказал он, — обман слишком груб и наивен. Повидимому, молодой человек, называющий себя Анри Латюдом, является одновременно и посланником букета и автором письма.

— В таком случае, какова же цель?

— О, ваше величество, роль спасителя королевы. Какая заманчивая мечта для легкомысленного юноши. Поверьте, что это обычная ребяческая шалость, которая не будет иметь никаких последствий. Все это шито белыми нитками, и, повидимому, молодой человек совершенно неопытен и потому безвреден.

— Что же вы советуете?

— Десять лет Бастилии прочистят мозги этого безумца; но это не важно, важно то, что ее величество может быть спокойна. Министр полиции низко поклонился.

— Отдаю это дело на ваше распоряжение,—сказал король, милостиво кивнув головой министру,—однако помните, что негодяй должен быть наказан; я знаю, что, пока он на свободе, королева не будет иметь ни минуты покоя,—примите меры.

Латюд сидел в своей каморке вместе с хозяином гостиницы, с которым успел подружиться. Правда, он старался не забывать о том расстоянии, которое существовало между ним, дворянином, и простым парижским обывателем, но желание поболтать с кем-нибудь пересиливало гордость. Анри был очень весел и возбужден. Он то и дело радостно улыбался и ласково похлопывал хозяина по плечу.

— Видите ли, друг мой,—говорил он,—теперь-то уж я держу свое счастье обеими руками и совершенно уверен в своем будущем. И подумать только, что я обязан своей удачей отчасти вам.

— Мне? Каким образом?

— Ну, пока об этом еще рано говорить, но потом, когда дела мои устроятся и когда я буду в Версале....

— Вы надеетесь скоро попасть в Версаль?!

— Надеюсь? Я уверен в этом, понимаете ли, уверен!

Хозяин недоверчиво покачал головой.

— Счастье ваше,—сказал он,—однако вы уж очень скоро...

Стук в дверь прервал его слова. Латюд вскочил со своего места.

— Ага! что я вам говорил,—сказал он,—в такой поздний час... это могут быть только те, кого я ожидаю.

И он побежал открывать дверь. На пороге перед ним появился полицейский агент, позади которого толпились несколько подозрительных личностей. Агент приподнял шляпу и изящным движением развернул перед Латюдом лист бумаги, закрепленный королевской печатью. Анри жадно схватил бумагу, но, бросив взгляд на написанное, тотчас смертельно побледнел.

„Г-н Бернье,—гласила грамота,—я пишу вам это письмо с просьбой принять в моем

замке Бастилии дворянина Анри Латюда и задержать его до нового распоряжения с моей стороны. Молю бога, дабы он простер на вас свое святое покровительство. Дано в Версале. Август, 1754 года. Людовик“.

— Что это значит?—пробормотал Латюд.

— Именем короля я вас арестую.

— Но что я сделал?—воскликнул молодой человек.

— Не в этом дело, мой юный друг, прошу вас следовать за мной.

Всякие протесты были излишни; при помощи хозяина растерявшийся Латюд стал собираться.

Представитель полиции равнодушным взглядом смотрел на его сборы.

— Всякие вещи будут излишни,—сказал он,—вы будете снабжены всем, что вам необходимо. Будьте добры, поторопитесь.

В темном извилистом переулке, под каменными сводами ворот, тускло освещенных большим раскачивающимся от ветра фонарем, стояла высокая узкая карета, запряженная в две лошади. Окна ее были заделаны частой решеткой. Ошеломленного Латюда

втолкнули в экипаж, и тяжелые колеса запрыгали и застучали по мостовой.

Лошади мчались в сторону улицы Сент-Антуан. При в'езде в предместье, на левой стороне Сены, возвышалось гигантское здание. Это была Бастилия.

В начале XIV века Карл VI воздвиг эту крепость, которая должна была служить защитой Парижу. Могучие стены могли противостоять самым яростным нападениям, выдерживать длительную осаду. Но постепенно монархия, воюющая с внутренними своими врагами не меньше, чем с внешними, стала пользоваться Бастилией и для другой цели: исключительная мощь крепости сделала ее первой в Париже государственной тюрьмой. Все лица, неугодные королю, все беспокойные граждане — все попадали в Бастилию. Бастилия в глазах парижан сделалась воплощением самовластия, главной тюрьмой произвола, хотя она и была далеко не единственной тюрьмой во Франции.

Как же попадали туда? В начале XVII века министр д'Аржансон изобрел особые грамоты, носившие название „приказов короля“. По этим приказам всякого человека можно было

без суда посадить в тюрьму. Освобождение могло последовать только по новому приказу короля. Вскоре, однако, оказалось, что короля приходится беспокоить слишком часто, и изобрели новый способ. В приказах, заготовленных и подписанных, оставляли свободным место, где должно было значиться имя заключаемого, а приказы раздавались на руки приближенным короля в полное распоряжение в виде особой милости. Таким образом важные придворные могли засадить в Бастилию всякого неугодного им человека.

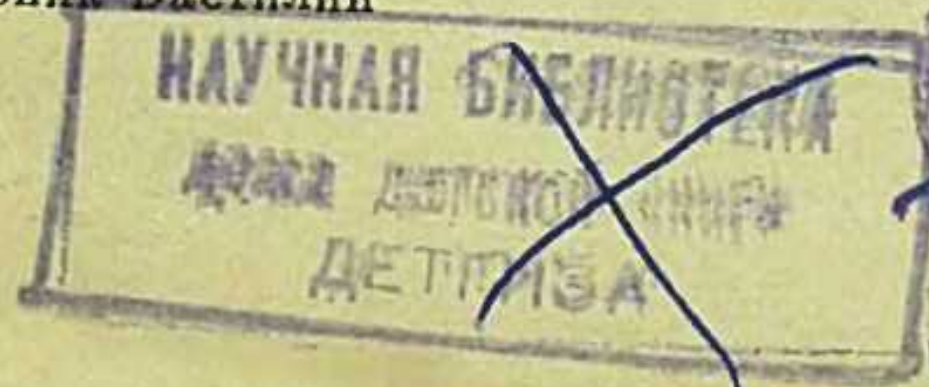
— Король, — сказал однажды министр полиции, — слишком добр, чтоб отрубить кому-нибудь голову, он предпочитает посадить своего врага в Бастилию и там „забыть“ его. Голова его остается на плечах, он через тридцать-сорок лет умрет собственной смертью.

Бастилия состояла из восьми огромных башен, соединенных высокими стенами. Каждая башня имела пять этажей камер. В первом этаже, в уровень с землей находились сырые карцеры, во втором этаже камеры были суше, но также холодны, в третьем и четвертом были комнаты с каминами, в пя-

Узник Бастилии

том, так называемом „колпаке“, помещались комнаты ледяные зимой, знойные летом. Плоские крыши башен были украшены зубцами и на них стояли пушки, грозно глядевшие на Париж и его окрестности.

В полуподвальные камеры заключали неисправимых, тех, которые совершали попытки к бегству и от которых надо было избавиться как можно скорее.

Человеческая природа не могла противостоять столь ужасным условиям; заключенные сходили с ума или умирали от истощения, если им не удавалось покончить самоубийством. В случае безумия пленника отправляли в Бисетр или Шарантон, в случае смерти его закапывали под вымышленным именем на тюремном кладбище.

Латюд перешагнул порог этой страшной тюрьмы; по темным коридорам его провели в мрачную комнату, тускло освещенную тремя висячими фонарями. Пять человек офицеров в мундирах разбирали на столе какие-то бумаги. Двое сторожей, один со связкой ключей, другой с ручным фонарем, стояли у дверей в ожидании приказаний.

Латюда подвели к столу; не дожидаясь

вопросов, он сам дрожащим голосом обратился к офицеру.

— Умоляю, господа, откройте мне, в чем моя вина? Я вижу по вашим лицам, что вы добрые и благородные люди—, не мучайте же меня напрасно.

Офицер, который, повидимому, был старшим из присутствующих, холодно взглянул на него.

— Ваше имя?—сказал он.

— Меня зовут Латюд, но, умоляю вас, скажите, надолго ли меня заключают в тюрьму?

Офицер как-будто не слышал его вопроса и обратился к сторожу.

— Вы отведете его в камеру сто четвертую.

Латюд заметался.

— Скажите же мне, по крайней мере, в чем меня обвиняют. Я сумею оправдать себя. В чем мое преступление?

— Переоденьте его,—сказал офицер и отвернулся.

Один из сторожей подошел к Анри, держа в руках лохмотья, которые едва ли могли назваться одеждой. При виде такого издевательства на Латюда напала ярость.

— Вы подлец, — крикнул он офицеру, — сжав кулаки, вы издеваетесь надо мной. Я не могу позволить.

Его оттащили от стола.

— Арестованный, — сказал офицер, — я должен вас предупредить, что таким поведением вы только вредите самому себе. Затем, обернувшись к сторожу, он прибавил: — Берите его.

Латюд замолчал: его переодели и сняли с него пудренный парик; в грязных лохмотьях, снятых, вероятно, с умершего узника, он был похож на нищего.

— Отныне, — сказал офицер, когда переодевание было окончено, вы больше не будете называться Латюдом. Вас будут звать Данри; помните, что у вас нет другого имени.

Латюд хотел что-то сказать, но его уже влекли по гулким каменным коридорам, и через несколько мгновений тяжелая дверь хлопнулась за ним. Он был один в камере, во власти своего отчаяния и безнадежных размышлений.

Прошло полгода. Дни шли за днями, чередуясь незаметно, похожие друг на друга,

как две капли воды. Латюд проявлял буйство и дерзость только в первые дни своего заключения, но вскоре он стал необыкновенно тих и кроток. Целый день сидел он на своем соломенном матраце, опустив голову на руку, думая о чем-то. Когда ему приносили обед, он поднимал голову и глядел на сторожа с заискивающей, робкой улыбкой. Ему очень хотелось слышать звук человеческого голоса. Но сторож молчал.

Иногда, по вечерам, Латюд принимался громко говорить сам с собой, как бы стараясь удостовериться в том, что еще не потерял способности человеческой речи. Сторож тогда начинал стучать ему в дверь, и узник тотчас замолкал.

Однако его тихое поведение послужило ему на пользу и его участь несколько смягчили: ему разрешили прогулку. Сторож ежедневно выводил его на плоскую крышу одной из башен. Оттуда, в течение получаса, он мог с жадным и болезненным вниманием смотреть вниз, на расстилавшийся у его ног Париж. Прогулка эта приносила ему больше страданий, чем радости.

Прошло еще несколько месяцев, и Латюду

была, наконец, дарована драгоценная милость: ему дали товарища по заключению. Латюд был вне себя от радости. Не все ли равно, кто будет этим товарищем? Иметь около себя живого человека, который будет говорить с ним, отвечать на вопросы, смеяться! Какое счастье!

Под вечер в комнату Латюда ввели того, кто должен был делить горечь его заключения. Новый узник был приблизительно одних лет с ним, но черная отросшая борода делала его старше на вид. Его круглое, добродушное лицо сразу понравилось Латюду и он горячо пожал его руку.

— Меня зовут Бастид,—сказал вновь пришедший,—не побрезгуйте моим обществом, раз нам суждено вместе коротать наше заключение.

Несмотря на то, что Латюд сразу увидал в своем товарище человека не своего круга, с которым он в былое время почел бы за унижение разговаривать, между ними завязался самый горячий и живой разговор. Латюд рассказал свою историю.

— А вы почему здесь?

— За стишки,—сказал Бастид, печально усмехнувшись,—я, видите ли, шапочник по ре-

меслу, но один мой знакомый на горе мое научил меня читать и писать. Научившись писать, я к несчастью и по глупости бросил свое ремесло и устроил себе на улице Сент-Оноре прилавок, куда и прикрепил вывеску: „Народный писец“. Здесь я сидел и писал по заказу письма, приглашенья, а по мере надобности и стихи, так как имею к этому делу некоторые способности. Дело это мне нравилось и приносило доход.

Но вот однажды вечером, когда я после трудового дня уже собирался итти во свояси, ко мне подошел молодой человек в сером плаще из тонкого сукна, в треуголке и со шпагой. Он был, видимо, взволнован.

„Можете ли вы в течение часа написать мне четверостишие“? спросил он. „Разумеется, сударь, ответил я, в этом и состоит мое ремесло. „Так вот вам тема в прозе“. И с этими словами он бросил на мой стол скомканный лист бумаги. „Через час я зайду за стихами, и вы получите за свой труд два золотых“. Я был ослеплен! Ведь эти два золотых превосходили мой двухнедельный заработок. Не медля ни минуты, я ознакомился с темой, которая была не чем иным, как на-

смешкой над одним из знатнейших пэров Франции. Ну, сказал я себе, в конце-концов не мне отвечать за это, и принялся за стихи. Вдруг кто-то положил мне руку на плечо. Оглядываюсь, перед мной стоит представитель полиции. Можете себе представить мой испуг. „А ну-ка покажи, что ты тут накрапал“! сказал он и, несмотря на мои протесты, вырвал у меня из рук листок бумаги. Я попробовал оправдаться. Я не знаю, кого имеют в виду эти стихи, сказал я, и если оскорбил кого-нибудь, то совершенно невольно. Однако полицейский даже не дослушал моего объяснения. „Об этом ты подумаешь на досуге,—сказал он,—а пока что следуй за мной“. Сейчас придет заказчик воскликнул я, он не захочет губить невинного человека, он объяснит вам... „Довольно, довольно,—перебил он меня,—имя заказчика нам отлично известно —и он даст ответ за свой поступок. Сейчас дело не в нем, а в тебе“. Несмотря на мои мольбы, меня посадили в карету, и через несколько минут я переступил порог этого проклятого замка.

Бастид умолк и тяжело вздохнул.

— Еще год, полтора,—сказал Латюд,—по-

жалуй, возможно выдержать, но, кто знает, не продлится ли это дольше.

— Я сомневаюсь в том, что вообще буду когда-нибудь выпущен,—мрачно сказал Ба-стид.

— Как? Остаться здесь навсегда? За такие пустые проступки? Вы с ума сошли, Ба-стид, или вы думаете, что король совершенно не имеет сердца?

— Может быть, для вас, дворян, он и имеет таковое, что же касается меня, то едва ли мне удастся вырваться отсюда законным путем.

— Но справедливость...

— А вы еще верите в нее, да разве она может ужиться с мыслью о том ужасном наказании, которое мы здесь терпим? Я уже два года нахожусь здесь и достаточно хорошо изучил Бастилию. Ведь это ад, сущий ад. Подумайте только: лишенные семьи, свободы, мы здесь окружены предательством, шпионством. В каждом нашем слове ищут преступления. Мы ничего не знаем о наших родных, мы не знаем сроков нашего заключения. Они зависят от каприза того, кто нас послал сюда. В Бастилию можно попасть

юношей и выйти из нее глубоким стариком за самую ничтожную вину. А сколько бывало случаев, что людей в Бастилии и вовсе „забывали“.

— То, что вы говорите, ужасно, — закричал Латюд, — я молчал до сих пор, но теперь, довольно, я буду просить, умолять, протестовать, писать письма...

— Попробуйте, — сказал Бастид, — но мне приходит в голову, что, пожалуй, можно было бы выйти отсюда и другим способом.

В короткое время тесная дружба завязалась между товарищами по заключению. Бастид был человеком серьезным, сдержанным, хладнокровным. Латюд, сначала относившийся к нему несколько свысока, вскоре оценил характер своего товарища и по всякому поводу обращался к нему за советом.

С его помощью он предпринял попытку законным путем добиться свободы. Из его камеры в изобилии посыпались письма к королеве. Все они оставались без ответа, хотя некоторые и передавались по назначению. Однако начальник тюрьмы, снизойдя к настойчивым просьбам узника, наконец, посетил его.

— Королева, — сказал он, — тронутая вашими мольбами, разрешила вам пользоваться вашим собственным платьем и особым столом. Что касается до писем, то советую вам не писать их больше, они надоели королеве.

Латюд вскочил со своего места.

— Стол? Платье? И это все, что вы можете предложить мне?

— А что же вам еще нужно?

— Ничего, решительно ничего, кроме свободы! — Латюд пришел в ярость. — Стол и платье! Да это новая насмешка, насмешка бесчувственной женщины.

Начальник предостерегающе поднял руку.

— Потише, молодой человек, — сказал он, советую вам не говорить лишнего, иначе мне придется не только отказать вам в этих милостях, но и лишить бумаги и перьев.

— Неужели я должен умереть в вашем проклятом замке?

— Не вы первый, — сказал офицер с холодной усмешкой и повернулся к нему спиной.

Заключенные остались одни. Латюд лежал на постели и плакал. Бастид ходил взад и вперед по камере.

— Ну, что ж,—сказал он, остановившись на середине,—теперь нам надо решительно уходить отсюда.

— Вы сошли с ума,—сказал печально Латюд,—ведь нам же сказали, что мы должны умереть здесь.

— Мы выйдем отсюда не по милости короля, а благодаря собственным силам.

— Разве можно убежать из Бастилии?—И Латюд, пожав плечами, вновь ушел в свое отчаяние.

— Да, я знаю,—сказал Бастид,—нам надо спуститься с высоты двухсот футов, надо пробить стены необычайной толщины, оторвать железные прутья решеток, обмануть бодрствующих, прислушивающихся, вооруженных людей. И, однако, мы должны сделать это или, в противном случае, нам останется только смерть.

— Но орудия... орудия... ведь у нас же ничего нет.

— Руки, мой друг,—самое могучее орудие, с их помощью мы все сделаем.

Часовой ходит взад и вперед по коридорам; он доходит до крайней камеры, оста-

навливается, прислушиваясь. Полная тишина! Все спит и мертво кругом. Узники побеждены могуществом крепости, раздавлены собственным бессилием. Часовой снова шагает, у дверей камер прикладывает ухо к замку. Ни звука! Да и о чем шептаться узникам среди ночи? Ведь жизнь для них так же недоступна, как для тех, кто лежит в могиле. Часовой спокоен.

А между тем в камере не спят,—Латюд и Бастид сидят на койке рядом, почти неподвижные, немые. Только руки их быстро неслышно двигаются. У Латюда больше нет своего платья—вместо него нитки, клубки ниток. Узники разматывают, выдергивают, плетут. Работа бесконечная! Сколько она возьмет времени. Хватит ли материала? Об этом они не думают, да и не все ли равно, когда выбираешь между возможностью свободы и живой могилой. Орудие—камень, обточенный долгими усилиями о другой камень, да железный прут, с невероятным трудом оторванный от стола. Время для работы—четыре, пять ночных часов, когда часовой оставляет узников в покое. На день приспособления исчезают в дымовой трубе,

а железный прут прилаживается опять к столу. Терпенье, выдержка, хладнокровие, вечная опасность и это не на день, не на два, а на несколько месяцев, на полгода.

Уже несколько дней стояла оттепель, и Сена, вышедшая из берегов, затопила канавы и низменные берега. Во рвах, окружающих Бастилию, вода стояла на высоте двух футов. В ночь на 25-е февраля на землю спутился густой сырой туман; дождь чередовался с мокрым снегом. Темная масса замка спала глубоким сном. Однако на одной из дымовых труб, в тумане, двигалось темное пятно. Это был человек. Исцарапанный с окровавленными локтями и коленами, Бастид, только-что совершил путь по дымовой трубе, на крышу. Он смотрел вниз, в темную закопченную трубу, по которой еще с большим трудом, лез ослабевший от волнения товарищ.

— Благополучно?

— Благополучно!

— Все тихо?

— Ни звука.

— Какое счастье,—начал Латюд.

— Молчи, самое трудное еще впереди.

Под ними высота в двести футов, затем ров и высокая ограда, по широкому краю которой шагают часовые. Часовые не видят их в темноте, но веревка, сплетенная из белья, светлеет во мраке. Смертельная опасность на каждом шагу.

Веревку привязывают к колесу пушки.

— Я спущусь первый,—сказал Бастид.

Дождь, мрак, ледяной ветер, который крутит в пространстве отважного узника, грозя ежеминутно сбросить его на землю. Твердая почва. Бастид укрепляет веревку, чтобы сделать ее более устойчивой для спуска товарища и принимает на руки уже почти обессиленного Латюда. Минуты три беглецы стоят неподвижно, улавливая сквозь шум ветра шаги часовых на стене, затем бесшумно спускаются в ров. Ледяная вода доходит до груди и захватывает дыхание.

Последнее препятствие!

Наблюдая в течение трехлетнего пребывания в тюрьме стену Бастилии, узники заметили, что при половодье и при сильных дождях ров почти всегда наполняется водой,

которая медленно всасывалась в землю. По соображениям пленников, постоянная сырость должна была размягчить глину и сделать камень менее устойчивым. Расчет оказался верным. Работая в ледяной воде, они вскоре нащупали щель в стене и приступили к выворачиванию камня с помощью железного прута и отточенного камня. До рассвета надо пробить лазейку или .....

Вдруг луч света скользнул по воде. На стене раздались голоса.

— Смена?

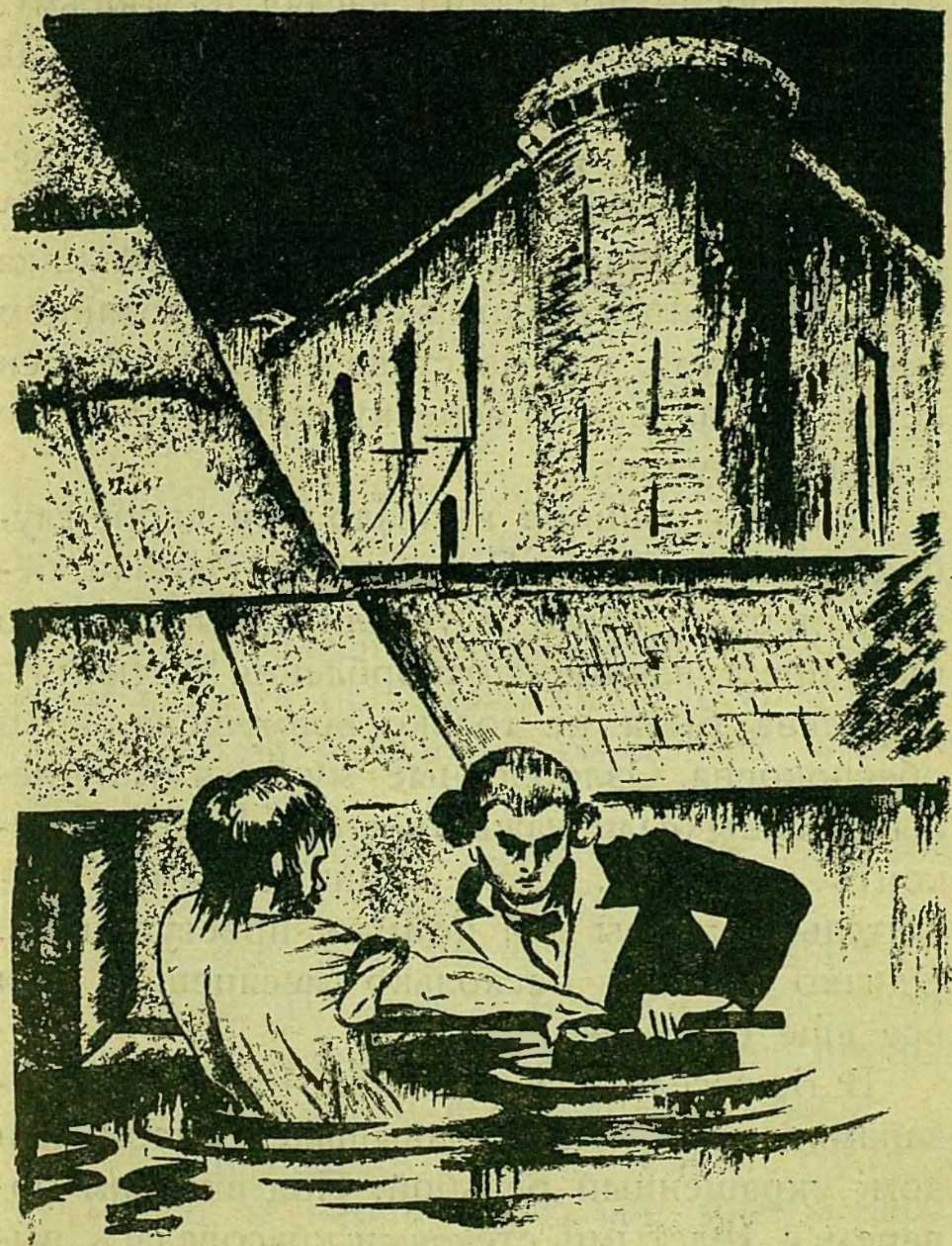
— Можешь итти, приятель, погода не из приятных.

— Потому-то вы и опаздываете—мерзнут из-за вас.

Узники опускаются в воду по самый подбородок, свет фонаря падает им в лицо, но сверху их не замечают, попросту не глядят в их сторону. Свет двигается дальше, голоса смолкают. Спасены!

Еще рассвет не занимался, когда узники очутились по другую сторону ограды. Они были окровавлены, ободраны, но свободны. Они моют руки и лицо дождевой водой, обнимаются и плачут и смеются вместе и

затем, бросив последний взгляд на тюрьму, бросаются бежать прочь к какому-нибудь убежищу, к жизни.

На утро, в мрачном замке раздался тревожный барабанный бой. По коридорам забегали испуганные люди. В саду начальника тюрьмы собиралась стража и с негодованием смотрела туда, где на стене одной из башен ветер трепал белую веревку, прикрепленную к колесу пушки.

Бегство узников вызвало при дворе глубокое негодование. Преступники бежали, бежали дерзко, нагло и успели скрыться. Это было преступлением „оскорбления Бастилии“. Королева была не только возмущена, но и обеспокоена. Озлобленные мученьями беглецы должны были жаждать мести. Чтобы успокоить королеву, были приняты самые решительные меры для поимки преступников. Однако прошло несколько месяцев, а они все еще были на свободе.

В Брюсселе, на площади Ратуши, с незапамятных времен возвышался старинный дом, украшенный резьбой. Под висячим фонарем с толстыми стеклами красовалась вывеска „Постоялый двор“. В июньский вечер

хозяин трактира, толстяк Волемс и его молодая жена сидели у порога. После знойного дня граждане города высыпали на улицу, и всюду на порогах трактиров и кофеен, за столиками, толстые фламандцы тянули пиво из глиняных кружек.

У здания ратуши остановился дилижанс, только-что прибывший из Валансьена. Молодой человек с несколько болезненным лицом соскочил с дилижанса и весело направился к трактиру Волемса. Он уже издали приветствовал рукой трактирщика и его жену. Волемс с изумлением глядел на путешественника, а Мариана всплеснула руками и с восклицанием радости бросилась ему навстречу.

— Латюд, ведь это Анри Латюд!—сказала она, целуя его.

Волемс встал с добродушной улыбкой, протягивая руку приезжему.

— Я вас было не узнал,—сказал он.

— Еще бы,—сказал Латюд,—ведь со времени моего путешествия в Голландию прошло больше трех лет, и я сильно изменился.

Гостеприимные хозяева ввели гостя в столовую, и через несколько минут перед ним очутился добрый ужин и кружка пива.

Несмотря на ласковый прием Марианы, Латюд был озабочен.

— Нет ли у вас, среди ваших постояльцев, молодого человека из Парижа по имени Бастид?—спросил он.

Веселое лицо Волемса омрачилось.

— Не стоит говорить о нем,—сказал он смущенно.

— Но в чем же дело? Он писал мне, что остановился у вас, не мог достаточно нахвалиться вашим гостеприимством. Неужели он покинул вас?

— Я не знаю, где он,—отвечал уныло трактирщик.

— Может быть, он вам остался должен; скажите прямо, я заплачу за него.

— Ну, коли так, я буду с вами откровенен. Я вижу, что этот несчастный молодой человек знаком вам и что его судьбу вы принимаете близко к сердцу. Вот как было дело. Этот Бастид приехал сюда и стал искать заработка. Он уверял, что он шапочник по ремеслу. Ходят слухи, что офицер Ламан получил приказание задержать его. Он сделал это без шума и без скандала. Он под-

стерег его у дверей моего трактира и очень вежливо сказал ему: „Сударь, у меня есть приказ от принца Карла препроводить вас на голландскую территорию; будьте уверены, что вам не причинят неприятностей“. Этот Бастид, уверенный в том, что здесь, в Брюсселе, он находится в полной безопасности, спокойно последовал за ним. Однако на другой день, на рассвете, его отправили в Лилль и отдали в руки французской полиции. Все это я узнал от слуги Ламана, который настойчиво просил меня никому об этом не рассказывать, „потому,—сказал он,—что вышеназванный Бастид не кто иной, как важный государственный преступник, бежавший из тюрьмы вместе со своим товарищем, которого еще не удалось схватить“. Теперь я вижу,—продолжал добродушный трактирщик, что произошла какая-то ошибка, так как, разумеется, преступник, сидевший три года в тюрьме, никоим образом не может быть вашим знакомым, а тем более другом.

— Конечно, произошла ошибка, сказал Латюд,—отодвигая от себя ужин и быстро вставая, мне что-то не хочется есть, к тому же у меня есть в городе кой-какие дела.

Он сделал Мариане приветный жест рукой и поспешно вышел из трактира.

Только, пройдя несколько улиц, он остановился и прислонился к стене дома. Потструился с его лица, колени дрожали. Он постарался собрать мысли. Бастид, деливший с ним все ужасы побега, вместе с ним скрывавшийся под вымышленным именем в Париже, не нашел верного приюта на Брабантской земле. Его задержали, арестовали. С ним, Латюдом, с минуты на минуту могло произойти то же самое. Быть может, полиция уже напала на его след. Вернуться в трактир Волемса было бы чистым безумием. Да, да, наверно, и сам Волемс за одно с полицией, быть может, он уже донес на него. При этой мысли ужас охватил Латюда и он бросился бежать изо всех сил, как будто сотни полицейских гнались за ним по пятам. В Голландию, скорей в Голландию—это единственный путь к спасению.

Латюд добрал до Амстердама пешком, большей частью голодая или питаясь подаянием прохожих; у него еще оставалось небольшое количество денег, которые Бастид сумел достать у своих друзей в Париже, но

он берег их как последнее подспорье. Он решил из Амстердама, где, наконец, безопасность его будет обеспечена, написать отцу письмо с просьбой о присылке денег. Старик, разумеется, не откажет единственному сыну, находящемуся в такой крайности. Но до получения денег надо было жить и приходилось быть более чем бережливым.

Постоялый двор Жана Тирхоста в Амстердаме показался Латюду настоящим раем. В сущности этот постоялый двор был просто подвалом, разделенным пополам деревянной перегородкой. В первой части подвала, которую называли залой, находилась кровать Тирхоста, круглый стол, окруженный стульями, и прилавок; вторая половина служила кухней и в ней же ночевали странствующий музыкант и вечно пьяный аптекарь. Оба они приняли Латюда с добродушной веселостью. Жизнь среди этих простых людей, чуждых ему по вкусам и привычкам, однако, понравилась Латюду. Чувство безопасности, впервые испытанное им после стольких бедствий, доставляло ему настоящее блаженство. Если бы не тревога об отсутствии денег, он положительно считал бы себя счастливым. Со-

жители старались рассеять его беспокойство. Аптекарь по утрам подносил ему кружку пива, а сам хозяин дружески трепал его по плечу и почти силком уводил по вечерам в одну из портовых кофеен, где на балах отплясывали матросы всех четырех стран света.

К радости Латюда, на письмо, посланное отцу, ответ пришел очень скоро. Отец писал, что некий Фрэсинэ, амстердамский банкир, вручит ему достаточную для безбедного существования сумму денег.

Латюд даже не удивился тому, что обычно скупой отец так великодушно исполняет его просьбу. В приписке старик жаловался на старость и болезнь, которые лишают его возможности самому взяться за письмо и принуждают диктовать его постороннему человеку. Мысль о ловушке, расставленной голландским правительством, не приходила в голову Латюду.

Письмо пришло вечером, когда он сидел за кружкой пива со своим другом аптекарем. Наконец-то! Завтра он будет богат и независим!

— Выпьем за завтрашний день, дружище,—сказал он своему приятелю.

— Да здравствует завтрашний день! И аптекарь бросил свою кружку на пол.

Утром Латюд в самом радостном настроении отправился по адресу, данному отцом. Ему рисовались заманчивые планы: пере-

браться в Англию, оттуда в Индию, начать жизнь заново, забыть о том, что было пережито. Он шел, весело посвистывая и беззаботно глядя по сторонам.

Внезапно несколько человек в зеленых мундирах выскочили на него с разных сторон и повалили на землю.

— На помощь!—закричал Латюд, в первое мгновение принявший нападение за разбой. На крик его собралась толпа. Люди в мундирах, вооруженные палками, махали ими направо и налево, разгоняя любопытных.

— Это отъявленный негодяй,—кричал один из них,—он убил более десятка невинных людей. Не поздоровится тому, кто придет ему на помощь.

Однако толпа, привыкшая к грубым выходкам полиции, делалась все гуще и гуще, и стали раздаваться голоса.

— У вас все считаются преступниками! Молодой человек, видно, иностранец, вы не имеете право трогать его.

Между тем полицейские принялись связывать Латюда веревками.

— Граждане, — кричал несчастный, — освободите меня, клянусь вам, что я страдаю безвинно.

Удар по голове прервал его слова, и он лишился сознания.

Он пришел в себя на соломе темной камеры. Ужасное пробуждение! Итак, опасности, страдания, лишения привели только к такому печальному результату. Он снова был

во власти своих врагов, и надежда на спасенье окончательно угасла для него. Вскоре дверь камеры отворилась, и при свете фонаря появилась зловещая физиономия. Это был агент французского короля. Он остановился против Латюда и молча, насмешливо глядел на него,

— И вы думали, — сказал он, — что голландское правительство предпочтет вашу драгоценную особу своей дружбе с могучим королем Франции. Ах, молодой человек, как вы легкомысленны.

— Убейте меня, — закричал рыдая Латюд. прекратите мое существование.

— В Бастилию, друг мой, в Бастилию! — сказал полицейский и исчез за дверью.

Три дня спустя, избитый, связанный, измученный дорогой Латюд был водворен обратно в Бастилию. Он был брошен в подземный карцер с цепями на руках и ногах, на сырую солому, без одеяла.

Этот карцер, могила живого человека, помещался на восемь футов ниже уровня земли. Узник был погружен в атмосферу сырости и зловония, в которой кишели крысы и насекомые. Карцер был слабо освещен узким окном, почти щелью, пробитой у самого

потолка. Через него несчастный получал то небольшое количество света и воздуха, которое отпустили на его долю палачи. Простой необтесанный камень служил ему одновременно столом и стулом. Гнилая солома на полу была его постелью. Цепи до крови растирали руки и ноги. Целые легионы крыс бегали по его лицу и рукам, пока он спал, и кусали его, когда он хотел их прогнать.

Несколько дней узник неистовствовал в своем карцере, колотил кулаками в стену, царапал себе лицо и грудь, кричал... затем, как и все заключенные, затих. Целыми часами он сидел неподвижно, не то думая о чем-то, не то погружаясь в дремоту. Время остановилось для него.

Прошло пять лет. Многое изменилось в жизни живых людей, но заживо погребенные ничего не знали об этом. Сторож Дарогон однажды решился напомнить начальнику тюрьмы об обитателях подземелья.

— Этот Данри,—сказал он,—ведет себя очень тихо и униженно просил меня передать вам просьбу: он хотел бы говорить с вами.

Начальник Бертэн, сменивший прежнего неумолимого Берье, дал свое согласие и через

несколько дней спустился к Латюду в подземелье. Глаза с трудом различали предметы в полумраке карцера. Узник, похожий на скелет сидел на соломе и, гремя цепями, с трудом поднялся при его появлении.

— Благодарю вас,—сказал он странным, придушенным голосом.

Бертэн чувствовал, что сырость проникла в его легкие и горло и ноги стыли на холодном полу.

— Вы просили меня притти,—сказал он,—чего вы хотите?

— Я хотел бы видеть солнце,—сказал Латюд,—вот уже пять лет, как я томлюсь во мраке. Я исстрадался. Зрение у меня слабеет, предметы дwoятся в глазах. Если оскорбленная мною королева считает меня достаточно наказанным, я прошу разрешить мне лишь немного воздуха и солнца. Позвольте мне написать ей.

И утомленный своей речью он замолк.

— Я передам королеве о вашем хорошем поведении и смирении,—ответил Бертэн,—пишите ей. И торопясь скорей покинуть зловонную яму, он крикнул сторожу. „Дайте ему перо и бумагу“.

Наконец, пришло долгожданное разрешение, и Латюда перевели в комнату, освещенную настоящим окном. Хотя в ней стоял нестерпимый холод, Латюд не помнил себя от радости: он видел клочок неба, он видел солнце, голуби летали у решетки его тюрьмы. Счастье, казалось, улыбнулось ему, наконец. Ему разрешили прогулку на башнях. Вид солнца и неба заставлял его плакать от умиления. Ему разрешили бумагу, чернила, перья и, наконец, верх счастья—несколько книг. Довольный его покорностью Бертэн обещал ходатайствовать об его освобождении перед королевой.

Однако королеве эта просьба показалась нарушением самых священных прав Бастилии. „Смягчение условий—да, на это я согласна. Но освобождение такого опасного преступника—это было бы чистым безумьем!“

Шарантон — тюрьма, где содержались менее опасные преступники; там они пользовались сравнительно большей свободой, чем в Бастилии, начальство относилось к ним проще, сторожа были снисходительнее. Сюда-то и перевели Латюда, ослабевшего, больного, казавшегося глубоким стариком. Ему

об'яснили, что такая милость королевы должна сделать его совершенно счастливым. Латюд, привыкший всему безмолвно покоряться, выразил, насколько это было в его силах, свою благодарность.

— Данри,—сказал ему однажды сторож, обычно сопровождавший его на прогулку,—министр полиции г-н де Сартин сегодня будет здесь. Я постараюсь устроить так, чтобы вы попались ему на глаза. Разговор с ним может ускорить ваше освобождение.

— Может быть, он захочет навестить меня в моей камере?

— Не думаю. Он будет здесь по поводу одного нашего узника, который сошел с ума и ведет себя очень буйно. Он так шумит и дерется, что держать его здесь невозможно. Сейчас его засадили в клетку и держат во дворе.

— Так где же я могу увидеть министра полиции?

— Я выведу вас во двор к клетке сумасшедшего, на которого, кстати сказать, вам будет интересно посмотреть.

В треуголке, низко надвинутой на глаза, с маленькой серебряной шпагой на боку,

в широком черном плаще министр де Сартин проходил по тюрьме со своей свитой. Ему хотелось лично посмотреть на безумца, который в припадке бешенства поносил имена короля, королевы и дофина. Надо было немедленно отправить его в Бисетр, где в подземных карцерах таких беспокойных людей быстро „забывали“.

Во дворе, у клетки, где в разорванном платье, босой, с исцарапанным лицом и висящими по плечам клочьями волос бесновался больной, собралась толпа служащих в тюрьме сторожей и офицеров. Все они почтительно расступились перед де Сартином.

— Давно ли он буйствует? — спросил Сартин сопровождавшего его офицера.

— Он и раньше отличался своей дерзостью, но в таком состоянии он третий день.

— Отправить его в подземелье в Бисетр, — хладнокровно сказал министр.

В это время в толпе, окружавшей безумца, произошло движение: Латюд, приведенный сюда сторожем, кинулся к клетке и, схватившись руками за ее железные прутья, прильнул к ней лицом.

— Бастид, — закричал он, — это Бастид!

Министр приложил к глазам лорнет, с любопытством глядя на эту сцену. Между тем глаза сумасшедшего остановились на лице бывшего товарища по заключению. Искра сознания мелькнула в его расширенных зрачках и тотчас же угасла. Он дико зарычал, подскочил к решетке, потряс ее обеими руками и закричал в самое лицо Латюда:

— Я — хозяин, я — господин, я — бог.

Что-то странное произошло внезапно с Латюдом; безумье как бы передалось на миг и ему: глаза его засверкали, и, сжав кулаки, он бросился к министру.

— Кто погубил этого человека? — взвизгнул он, — кто довел его до безумия? Кто отнял у меня силу, молодость, здоровье, зрение? Женщина без сердца, презренный король, прихлебатели министры!

Сартин побледнел и отступил на два шага от Латюда.

— Возьмите его, — сказал он.

Но Латюд со сжатыми кулаками кинулся на министра, и, если бы не подоспевшая стража, тот не избег бы удара.

— Негодяи, — кричал Латюд, — палачи, убийцы!

Торопившийся к выходу, бледный министр бросил на ходу начальнику тюрьмы:
— В Бастилию и забить его там.

Много лет пронеслось над мрачным подземельем, где томился несчастный узник. Один лишь раз за десять лет удалось ему подать голос из - под земли, чтобы затем надолго умолкнуть. Письмо королеве, последнее, написанное им на клочке бумаги, рассказывает о том, что он пережил. Письмо это не дошло по назначению: королева уже умерла.

„Я готов биться об заклад,—писал он,— что мысль обо мне никогда не приходит вам в голову, а между тем не проходит ни минуты, чтобы я не проклинал вас всеми силами своей души. Я страдаю больше двадцати лет, я ношу цепи на руках и ногах, я лежу на грязной соломе даже без одеяла. В подземелье моем так холодно, что среди лета я мерзну днем и ночью. В прошлом году был такой мороз, что, говорят, Сена замерзла и люди могли спокойно ходить по ней. Я в это время лежал скованный на соломе

и не мог пошевелинуться: на мне был надет лишь легкий халат, даже не доходивший мне до колен. Я облысел, от холода верхняя губа у меня рассеклась и обнажились зубы. Я почти окончательно потерял зрение и страдаю непрерывными головными болями. Я не помню, когда в последний раз видел солнце и дневной свет. Если вам мало моих страданий, скажу вам, что половина узников здесь жаждет смерти: каждый день кто-нибудь из моих соседей пытается прекратить свою жизнь. Но даже в этом они не свободны, и ваши сторожа против их воли оберегают их жалкое существование. Все это вы делаете без малейшего страха, с уверенностью, что ваши поступки не будут судимы. Вы ошибаетесь! Все, слышите ли вы, все, кого вы заставили страдать, поднимут голос против вас. Я не знаю, будет ли это сегодня или завтра, но это будет и несомненно. Вы бросаете нас в тюрьмы без суда, вы не слушаете нас, когда мы хотим оправдаться; что-то скажете вы, когда предстанете на суд. А суд этот—суд всего народа, он есть во Франции, и голос его прозвучит для вас как смертный приговор“.

Смерть королевы, смерть Людовика XV, воцарение Людовика XVI ничем не изменили ужасающих условий тюремной жизни. Попрежнему царило там нечто среднее между жизнью и смертью — жизнь погребенного.

Между тем наступил 89-й год. Революционный вихрь грозно неся на Францию. Париж, оставленный узниками десять, двадцать лет назад, теперь кипел как котел, и старый порядок, бросивший их в застенки, сам ожидал со дня на день приговора над собой. С 5-го мая представители народа заседали в собрании. Парижское население и войска были охвачены революционным брожением. Всюду раздавались революционные речи. Испуганный король стягивал к Версалю свои надежные полки. Парижане, проходя мимо Бастилии, произносили угрозы.

Наконец, 13-го июля толпа ремесленников и бедняков прошла по городу, требуя хлеба и оружия. Солдаты не оказывали им сопротивления. С 2-х часов ночи 13-го июля начальник Бастилии де Лонэ начал готовиться к бою. Он не пренебрег ничем

для защиты крепости. Пушки были заряжены, на башни перенесены огромные камни, чтобы с их помощью раздавить наступающих. Наемные швейцарцы защищали вход в тюрьму, сторожа на башнях должны были стрелять из пушек под прикрытием зубчатых стен. Де Лонэ был уверен, что Бастилия непобедима. Правда, он слышал, как в городе били в набат и как по улицам, по набережным, по бульварам толпа звала толпу.

— К Бастилии! К Бастилии!

Но для него это был лишь жалкий бунт „черни“, над которым легко одержат победу вековые стены тюрьмы.

Около полуночи несколько выстрелов раздалось по направлению к замку.

Начальник со штабом поднялся на башни и с полчаса прислушивался к отдаленному шуму города.

На утро шумящие толпы окружили Бастилию. Подъемные мосты были подняты, пушки угрожающе смотрели на город.

Угольщик, бывший солдат, выступил с топором в руках, взобрался на крышу небольшого сторожевого поста, стоящего поблизости от первого подъемного моста, и под

градом пуль, которые тотчас же посыпались на него с башен, начал спокойно работать, разрезая, разбивая цепи, и заставил мост опуститься. Толпа прошла и очутилась во дворе. Выстрелы из бойниц и башен встретили наступающих. Отстреливаться было невозможно, так как защитники крепости были невидимы. Началась неравная борьба; осаждающие, ничем не защищенные, ложились под пулями швейцарцев; однако никто не говорил об отступлении; толпа шла неудержимо на приступ каменных башен, как бы веря, что своей смертью сумеет опрокинуть их.

И действительно, в четыре часа офицеры гарнизона пришли к де Лонэ, умолять его сдаться. Несмотря на могущество крепости, все чувствовали, что победа народа predetermined, казалось, весь Париж поднимается против Бастилии.

Де Лонэ, который чувствовал невозможность пройти сквозь толпу осаждающих, пришла в голову жестокая мысль взорвать на воздух крепость со всем гарнизоном. Сто тридцать пять боченков пороха подняли бы на воздух Бастилию и разрушили бы

треть Парижа. Он взял факел и побежал к погребам. Два офицера помешали ему, преградив штыками дорогу. Со своей стороны швейцарцы вступили в переговоры с осаждающими. В пять с половиной часов вечера пушки были опрокинуты и выкинут белый флаг.

Толпа ворвалась в Бастилию. Герои, овладевшие неприступной твердыней, хотели стереть с лица земли самое воспоминание о ней. Наверху на башнях отрывались камни, разбивались пушки. Победители кинулись к камерам освободить заключенных. Некоторые узники, испуганные шумом, хотели защищаться; освободители выламывали двери и бросались к ним в объятия.

Но в одной из камер, которую взломали последней, нашли странного старика, который, сидя на полу, безучастно глядел на вошедших; он был совершенно лысый, без зубов и долгие болезни изуродовали его лицо. Он не понимал происшедшего, как ни старались раз'яснить ему его. Он был очень слаб и близок к помешательству.

— Как вас зовут?—спросили его.

Он долго думал и сказал.

— Меня звали Латюд, меня звали Данри, теперь же меня зовут бесконечностью.

Ему сказали, что он свободен, и предложили покинуть камеру.

— Только не на солнце,—закричал он,—я боюсь его.

Но вскоре он сделался равнодушным и позволил своим освободителям унести себя.

Толпа выходила из крепости, неся свои трофеи: впереди молодой человек с восторженным лицом нес пронзенную штыком бесчеловечную грамоту — правила Бастилии. Несли и ключи — огромные, ужасные, грубые ключи, истертые веками и горем человеческим. Затем выводили узников.

Латюда положили на траву, близ рва, где некогда, по пояс в воде, он вместе с Бастидом работал над своим освобождением. На его страдальческом лице медленно угасала жизнь.

Толпа восторженно приветствовала падение Бастилии. Те, кто вывел Латюда из камеры, забыв о нем, присоединились ко всеобщей радости.

— В ратушу! В ратушу!—кричали победители.

Когда вспомнили об узнике и подошли к нему, он был мертв. Солнечный свет и свобода оказались, действительно, смертельными для несчастного.

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ.

Серия книг для внешкольного чтения учащихся школ I ступени.
Допущена ГУС'ом, рекомендована Главсоцвосом.

Имеются в отдельной продаже следующие книжки:

ДЛЯ МЛАДШИХ ГРУПП.

- Беляков, Н. Сосунок. Ц. 25 к.
Беляков, Н. Скворцы. Ц. 25 к.
Беляков, Н. Ярка. Ц. 30 к.
Баршева, М. и Бобынина, И. Про животных. Ц. 40 к.
Баршева, М. Егорушка в школе. 2-е изд. Ц. 35 к.

ДЛЯ СТАРШИХ ГРУПП.

- Боголюбский, С. Как устроено и работает тело собаки и кошки. Ц. 45 к.
Боголюбский, С. Как устроено и работает тело овцы и козы. Ц. 45 к.
Боголюбский, С. Как устроено и работает тело коровы. Ц. 40 к.
Боголюбский, С. Как устроено и работает тело лошади. (Печ.).
Боголюбский, С. Как устроено и работает тело человека. (Печ.).
Заборский, А. История бумажного листа. Ц. 30 к.
Заборский, А. От каменной горы до печки. Ц. 30 к.
Заборский, А. Стекло, его производство и применение.
Венкстерн, Н. Узник Бастилии. Ц. 35 к.
Венкстерн, Н. Братья. (Печ.).
Венкстерн, Н. Гибель Жаннетты. (Печ.).
Венкстерн, Н. Царская милость. Рассказ старого поселенца. (Печ.).
Какие народы живут в СССР и чем они занимаются.
Байсутов, Н. В песчаных степях. (Туркмены.) Ц. 35 к.
Байсутов, Н. Там, где растет хлопок. (Узбеки.) Ц. 40 к.
Бергер, А. В горах Восточного Закавказья. (Азербайджан.) Ц. 35 к.
Леонов, Н. В горных долинах Алтая. (Ойраты.) 2-е изд. Ц. 25 к.
Леонов, Н. В степных просторах. (Киргизы.) 2-е изд. Ц. 35 к.
Леонов, Н. На рыбной реке. (Остяки-рыболовы.) Ц. 20 к.
Леонов, Н. По берегам северных морей. (Поморы.) Ц. 25 к.
Леонов, Н. Со стадами оленей. (Самоеды-оленьеводы.) Ц. 20 к.

Библиотечка „ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ“ состоит из **50** выпусков.

Подписная цена — **8** рублей с пересылкой и упаковкой.

Цена 35 к.
р

40 =

Н

